

Объяснение в любви

Сегодня. - 1995.
- 13 сент., - с. 10

Вере Михайловне Красовской — 80 лет

Алексей Парин

Восемьдесят? Слишком мало: посмотрите на книги, если не сказать фолианты, написанные Красовской; кажется, и двухсот лет не хватило бы, чтобы осмыслить и выразить на бумаге все, что в них содержится.

Восемьдесят? Слишком много: сколько огня, детской живости, девчоночьего лукавства в сегодняшних реакциях Веры Михайловны на происходящее в искусстве и жизни.

Земной, житейский возраст — вещь фактически условная в системе координат самочувствия и сиюминутного внешнего облика. Существенней внутренняя энергия движения, которая дает так называемую внутреннюю молодость. Она запрещает человеку раздуться от чувства собственной значительности, избавляет от намека на чванство, заставляет смотреть на собственные немалые достижения с ироническим удивлением. Вера Михайловна искренне радуется восторженным словам в адрес Красовской, но словно бы сама не верит в то, что эта пос-

ледняя, Woman of Achievement и многое другое, — действительно Несравненная, Единственная и неповторимая, живой классик русского театроведения.

Потому что Красовская — это не просто имя, хотя и сиятельное, это целый символ, который вмещает в себя очень многое: петербургскую глубину испытующего взгляда, идущую от природного знания русского языка, первичную простоту словесных формул, по-европейски безупречную огранку как бы стихийно лежащего на бумагу речевого узора и, самое главное, внутреннюю энергию неостановимого движения. Конечно, эта энергия идет от неостановимого балетного движения, от веками длящегося танца вилис, лебедей, вальсирующих придворных, в череду которых Красовская встала после уроков у Вагановой, чтобы вчитать в смысл балетного мгновения все загадки прошедших эпох и сегодняшней жизни.

К Красовской-символу страшно приблизиться: можно ли вступить в разговор с Хранительницей тайны русского балета, с Властительницей знания о танце вообще?

Однако пройдя через сияющую преграду имени, получаешь в награду роскошь аристо-

ГЛАВНЫЙ БАЛЕТМЕЙСТЕР МАРИИНСКОГО ТЕАТРА ОЛЕГ ВИНОГРАДОВ СКЛОНЯЕТСЯ ПЕРЕД В. М. КРАСОВСКОЙ

кратической простоты общения, по-английски естественных человеческих реакций. Тебя отругают за плохую статью — а ты с красными ушами испытаешь немислимое счастье от точности мысли, к тебе относящейся. И сделаешь все, чтобы тебя больше не ругали. Только дурак усомнится в справедливости оценки: здесь система координат абсолютная, а не относительная. А уж когда похвалят, на секунду раздуться, как индюк, да только больше секунды в этом состоянии не продержись: тон, который делает хорошую, простую музыку, допускает в это соседство каких угодно птиц, но уж никак не индюков и павлинов.

Какое счастье, что есть на свете петербургские сады, есть Комарово с его песчаными при-

брежьями и лесными тропами. В ритме долгой прогулки энергия неостановимого движения превращается в лирический мотив любви, и танец сказанных слов соединяется с кружением деревьев, биением волн, всхлипами мокрого песка, и гомонящие птицы допевают за нас, влюбленных в Веру Михайловну, сбивчивое признание.

В эти дни в доме на Садовой тихо, по-семейному празднуют день рождения Веры Михайловны, заменив этим торжество по случаю юбилея Красовской. Конечно, за столом сидит и Красовская тоже, Хранительница и Властительница, но мягкий, податливый лукавый, не по возрасту мудрый взгляд Веры Михайловны не дает юбилярше слишком уж надуваться.